

Д. В.
АВЕРКИЕВ

Дмитрий Васильевич Аверкиев

А. Н. Островский

«Говоря об Островском, нельзя не вспомнить о его достолюбезной личности. Очерк его головы, на мой взгляд, имел сходство с головой Софокла, как тот изображен на одном из бюстов Капитолийского музея. В его лице самое привлекательное были глаза: они умели и думать, и слушать, и улыбаться, и смеяться самым задушевным образом. Как у всех смертных, у Александра Николаевича были, конечно, свои странности и недостатки; но они как-то шли к нему: так иной раз родимые пятнышки увеличивают миловидность. Оттого у всех близких к покойному людей даже к ним установилось какое-то любовное отношение...»

**Дмитрий Васильевич
Аверкиев
А. Н. Островский**

<...> Говоря об Островском, нельзя не вспомнить о его достолюбезной личности. Очерк его головы, на мой взгляд, имел сходство с головой Софокла, как тот изображен на одном из бюстов Капитолийского музея. В его лице самое привлекательное были глаза: они умели и думать, и слушать, и улыбаться, и смеяться самым задушевным образом. Как у всех смертных, у Александра Николаевича были, конечно, свои странности и недостатки; но они как-то шли к нему: так иной раз родимые пятнышки увеличивают миловидность. Оттого у всех близких к покойному людей даже к ним установилось какое-то любовное отношение.

Трудно вообразить себе человека добродушнее покойного. Однажды при мне он спросил у одного актера:

– Отчего Н. у меня не бывает?

Актер замялся.

– Знаю, – продолжал Александр Николаевич, – он мне гадость сделал. Ну, да бог простит; я не сержусь. Скажите, чтоб он по-прежнему ходил ко мне.

Из личных воспоминаний приведу еще

взгляд Островского на драматургическое дело...

– Драматург не изобретает сюжетов, – говорил Островский, – все наши сюжеты заимствованы[1]. Их дает жизнь, история, рассказ знакомого, порою газетная заметка. У меня, по крайней мере, все сюжеты заимствованные. *Что* случилось, драматург не должен придумывать; его дело написать, *как* оно случилось или могло случиться. Тут вся его работа. При обращении внимания в эту сторону у него явятся живые люди и сами заговорят.

Кроме этого общего воззрения, он упоминал о случае, когда перед драматургом является живое лицо, создается характер, ради выяснения которого он ставит действующего в различные положения. Оба эти объяснения соответствуют еще аристотелевскому делению драм на такие, где преобладает действие, и на такие, где главное внимание обращено на изображение характера.

В заключение несколько слов об Островском как о начальнике репертуара московских театров. Он занимал эту должность так недолго, что трудно сказать о нем в этом отно-

шении что-либо положительное. Заслуга его перед московским театром велика, и именно в том, что, благодаря его настояниям и ходатайствам, московские театры получили самостоятельное бытие. Не следует думать, что устроить это было легко для Островского; тут потребовалось целых пять лет неустанных усилий[2]. Дело это в высшей степени полезное и настоятельно необходимое; этим оно отличается от обычных театральных реформ, в последнее время столь обильных. Малый театр всегда был литературнее Александрийского, и начальствование из Петербурга не могло идти ему впрок.

Выражались опасения, что Островский за последнее время отстал от театра и знает актеров только по репетициям своих пьес, а потому будет пристрастен к известному актерскому кружку. В последний приезд Александра Николаевича из Москвы мне пришлось долго с ним беседовать именно о театре. Не было и тени пристрастия в его суждениях об актерах, он отдавал всем должное; он восстановил счетки, о важности чего мне уже доводилось говорить[3]; по случаю «внезап-

ной болезни» артистов, он сумел отдать роли вторым актерам, исполнившим их удачно. В великом посту он допустил к пробе всех желающих, и между массой негодных подметил талантливую ingenue[4] и весьма приличного jeune premier[5]. Он не верил, что актерские таланты выродились на Руси.

– Беда в том, – говорил он, – что у нас уж давно не дают хода молодым. Некому было их выдвигать.

Конечно, и против Островского, как против всякого начальника, уже начинали поговаривать. Когда Лаубе приглашали на подобную должность в Hof-Burg-Theater[6] то он просил заключить с ним контракт на пять лет.

– Почему именно на пять? – спросили его.

– Потому что первые три года у меня в театре будут только враги, а в остальные два найдутся уж и друзья.

Такова доля умного репертуарного начальства. И вот мне довелось слышать порицания Островскому за то, что он начал говорить о необходимости дисциплины в театре; есть ведь господа, полагающие, что писателям по-

добает проповедовать распушенность...

Вообще в последний приезд речи Островского звучали как-то особенна мудро и бодро, точно он желал с полной свободой высказать давно и много обдуманное. Только необычайная бледность лица не гармонизовала с душевной бодростью. Увы! блеск его ума был уже блеском заката...

Примечания

Конечно, не в том смысле, как это пишется на афишах тех авторов, у которых своего разве имена действующих; все же остальное – чужое. (Прим. Д. В. Аверкиева.)

[^^^]

В восьмидесятых годах А. Н. Островский активно выступал за самостоятельное существование московских императорских театров и за то, чтобы во главе их стояли истинные знатоки сцены (см.: Островский, т. XII, стр. 101, 132 и др.).

[^^^]

В заметке «Считки», напечатанной в «Дневнике писателя», 1886, апрель, стр. 141–142.

[^^^]

4

роль простушки (*франц.*).

[^^^]

первого любовника (*франц.*). Талантливая ingénue – возможно, Е. П. Александрова (Островский, т. XII, стр. 307), вскоре принятая в труппу Малого театра. Из числа испытуемых на роли jeune premier Островский выделил Дмитриева-Сабурова (там же, стр. 308), но в театр он принят не был.

[^^^]

6

Лаубе Генрих (1806–1884) – немецкий драматург. С 1849 по 1867 год стоял во главе крупнейшего в Австрии Венского придворного театра (Бургтеатра).

[^^^]